

В чем же состоит вера?

Некоторое смягчение отношений между православными и католиками, особенно после встречи Патриарха и Папы, вызвало немало призывов к отстаиванию правой веры. Что же, очень правильно стоять за веру. Но, чтобы делать это, необходимо ясно понять, в чем же эта вера состоит.

Слово «вера» может использоваться в двух смыслах – как личное упование и как исповедание доктрины, приверженность набору вероучительных утверждений и вероисповедных практик.

Их можно назвать «личной» и «догматической» верой. О личном уповании хорошо говорит, например, святой Феофан Затворник в толковании на послание к Римлянам:

«Веровать – значит: утверждаться на ком верую, с непоколебимой уверенностью полагаться на кого, силою веры в кого преисполняться таким же чувством безопасности, каким исполнен тот, кто стоит на гранитном утесе, среди бушующих вокруг него волн.

Верующий посему будет тот, кто всё должное делает, но уверенность в спасении и оправдании основывает не на делах, а на вере в Бога; верует, что Тот, Кому он служит всею душою и всем сердцем, по благодати Своей не допустит его погибнуть, – спасет и оправдает».

Верующий здесь доверяет Личности – «Тот, Кому он служит всею душою и всем сердцем, по благодати Своей не допустит его погибнуть, – спасет и оправдает». Как говорит псалмопевец, «а я на Тебя, Господи, уповаю; я говорю: Ты – мой Бог» (Пс.30:15).

Это же, глубоко личное отношение к Богу выражает и апостол Павел, говоря: «По сей причине я и страдаю так; но не стыжусь. Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день» (2Тим.1:12).

Предметом упования и основанием надежды вечного спасения тут является не набор вероучительных положений или духовных практик, но определенная Личность – Бог, явленный в Иисусе Христе. Бог, который говорит о Себе: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» (Ис.49:15). Бог, который «Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Рим.5:8).

Апостол верует не во что-то, а в Кого-то – «в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал.2:20). Вся молитвенная традиция, начиная с псалмов, открывает нам Бога, который проявляет глубоко личную заботу о каждом верующем – и вся надежда верующего основана на том, что Бог – верен. Бог не обманывает тех, кто доверяется Ему. «Избавит Господь душу рабов Своих, и никто из уповающих на Него не погибнет» (Пс.33:23).

В Писании Бог сравнивает себя с Отцом и с Супругом. Даже мы, будучи грешными людьми, способны проявлять верность и заботу по отношению к нашим семьям.

Наши домашние могут на нас полагаться. Нас бы глубоко огорчило, если бы они стали выражать сомнения в нашей решимости позаботиться о них. Тем более Бог заслуживает нашего безусловного личного доверия.

Это личное упование не может существовать без догматической веры. Христианстводогматично именно потому, что оно лично. Разве нельзя – иногда спрашивают люди – просто следовать учению Иисуса, без всех этих догматов? В реальности нельзя, потому что как только мы откроем Евангелие, мы обнаружим, что значительная часть учения Иисуса – это Его учение о Самом Себе. Более того, Он требует веры именно в Него самого.

Это важно подчеркнуть – в центре нашей веры стоит не учение, не традиция, не знание, не обряд (хотя всё это в ней, несомненно, присутствует), но определенная Личность – Господь и Спаситель наш Иисус Христос. Поэтому в отличие от других религиозных традиций, для которых главным вопросом является «в чем состоит учение нашего основателя (или основателей)», для христиан главным является вопрос, который сам Христос ставит перед учениками – «а вы за кого почитаете Меня?» (Мф.16:15).

«Кем я считаю этого Человека и что из этого следует?» – вопрос, который неизбежно возникает у каждого, кто знакомится с новозаветными свидетельствами, и любой ответ на этот вопрос неизбежно будет догматичным.

Более того, первое и самое простое христианское действие – молитва – неизбежно ставит перед человеком, подходящим к вере, ряд именно догматических вопросов. Следует ли мне молиться Иисусу? Первомученик Стефан (Деян.7:59) и Апостол Павел (2Кор.12:9) молились. Но тогда как соотносятся Иисус и Бог-Отец? И Святой Дух – «другой Утешитель», которого Иисус обещает послать от Отца (Ин.14:16)?

Произнести «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного» – значит уже исповедать веру в то, что Иисус есть Христос, Сын Божий и Судия – раз я обращаюсь именно к Нему с просьбой о помиловании. Отказаться произнести эти слова или произнести какие-то другие – значит тоже неизбежно исповедать какие-то догматы, только другие, дать те или иные ответы на вопросы, которые неизбежно ставит перед нами вера в Иисуса.

В истории Церкви были перепробованы разные ответы – которые отрицали или умаляли либо Божество, либо человечество Иисуса, и все они были отклонены, как несообразные апостольскому свидетельству. Церковь в Халкидонском догмате утвердила апостольскую веру в то, что Иисус, к Которому мы взываем в молитве – совершенный Бог и совершенный человек.

Любая попытка исповедовать «адогматичную веру» (как некоторые пытаются) просто приводит к тому, что люди, на деле, исповедуют ложные догматы, которые приводят к ошибочному образу Бога.

В самом деле, если Иисус – не Бог, а просто одно из многих сотворенных существ, Его жертва перестает быть жертвой со стороны

Бога, и тогда никак невозможно сказать (как говорят апостолы), что в Жертве Христа проявилась именно Божия любовь. Ведь Бог в таком случае ничем не пожертвовал. Если Иисус – не человек, Он не может быть нашим Искупителем.

Вера в новозаветное послание неизбежно приводит нас к догматике – причем именно к такой, какая и сложилась в истории Церкви.

В эпоху Реформации люди, которые желали порвать с традицией и прочитать Библию заново, приходили к признанию того же Халкидонского догмата и Троицы.

Вера в Иисуса также неизбежно связана с традицией – ибо мы и узнаем имя Христово не иначе, как от предыдущих поколений христиан. Вера – это то, что мы воспринимаем от других людей.

Поэтому не существует личного упования на Христа без догматики и без традиции. Однако здесь возможно – и происходит – определенное смещение. Чтобы обозначить его, нам стоит поставить вопрос: «Что именно является содержанием спасительной веры?»

На что мы надеемся? На Господа нашего Иисуса Христа – о Котором свидетельствует нам традиция – или на традицию как таковую?

В первом случае грешника спасает Христос, Он лично, непосредственно. Во втором – грешник спасается следованием правильной традиции – основанной Иисусом Христом и с тех пор соблюдаемой истинной Церковью.

В первом случае ответом на вопрос о нашем уповании является Христос; во втором – созданная Им спасительная традиция. В первом мы видим Христа, скорее, как пожарника, вытаскивающего людей из горящего здания или спасателя, вытаскивающего их из воды – каждого лично и непосредственно.

Во втором – как врача, который пришел в район, пораженный эпидемией, привез лекарства, установил медицинское оборудование, проинструктировал местных жителей, как всем этим пользоваться, и удалился. Спасает людей не врач непосредственно, а верное следование установленной им технологии лечения; если эта технология нарушена, а медицинские приборы из-за неумелого обращения выведены из строя, увы, наследие врача делается бесполезным –

даже если люди призывают его имя и полагают себя его учениками.

В первом случае традиция есть средство, через которое нас достигает Христос; ибо Он достигает нас не иначе, чем через традицию, и мы не знали бы и имени Христова, если бы оно не было передано нам от предыдущих поколений христиан. Она спасительна, потому (и только потому) что вводит нас в спасительные отношения с Христом. Во втором – спасительны именно отношения с традицией, хотя она и черпает свою спасительность от Христа.

В этих случаях мы по-разному отвечаем на вопрос «на что я надеюсь». В первом случае ответ «я надеюсь на Иисуса Христа»; во втором – «я надеюсь на то, что я принадлежу к истинной традиции».

Невозможно иметь личную веру – и не иметь догматической. Однако обратное неверно – догматическая вера может существовать без личного упования.

Можно исповедовать правильные догматы, приступать к таинствам и вести в целом нравственную жизнь, не имея личного упования на Христа – и даже не зная, что оно нужно. Используя известную аналогию, невозможно пить без чаши, но можно иметь самую прекрасную чашу – которая остается пустой.

Более того, можно сделать саму чашу предметом поклонения. Можно поставить ее в шкафу за стеклом. Можно, хуже того, бить ею ближнего по голове. Пугающий парадокс Евангелия состоит в том, что наиболее яростно воспротивились Господу люди, которых точно нельзя назвать неверующими или индифферентистами. Это были люди, которые, несомненно, имели глубокую преданность Священному Писанию (которое мы сейчас называем Ветхим Заветом) и Священному Преданию народа Божия. Это были люди, несомненно, принадлежавшие к истинному народу Божию, имевшие подлинное Откровение, ревностно ему следовавшие.

Они твердо отстаивали свое духовное наследие перед лицом мощного давления эллинистической культуры. Они точно знали, как Бог должен и как не должен Себя вести. И поэтому не узнали Его, когда Он пришел к ним. Они обратили в средство противления Богу именно то, что было дано им как средство богопознания.

Конфликт между Господом и фарисеями – это не конфликт между хорошим человеком и плохими, безбожными людьми. Это

конфликт между Богом и людьми хорошими и набожными – более того, людьми, которые рвались послужить Богу. Так, как они сами считали нужным и правильным.

Для чего этот конфликт в Евангелии занимает столько места? Чтобы мы узнали о заблуждениях каких-то людей, которые жили очень давно и далеко и уже скоро две тысячи лет как умерли? Очевидно, этот конфликт должен от чего-то предостеречь нас здесь и сейчас.

Возможно, от того, что нам стоит опасаться этого, на первый взгляд, незаметного переноса акцентов – с Бога, о Котором свидетельствует традиция, на традицию как таковую.

Содержанием нашей веры и упования является именно Иисус Христос – Он лично.

